

XVIII вѣкъ въ освѣщеніи проф. В. О. Ключевскаго.

(Отъ младенчества Петра В. до переворота 1762 г.).

Въ минувшемъ году журналъ нашъ помѣстилъ характеристику талантливѣйшаго русскаго историка, сдѣланную И. Бороздинымъ ¹⁾. Немногими словами авторъ, какъ намъ кажется, съ достаточною полнотою и яркостью опредѣлилъ достоинства научныхъ работъ московскаго профессора и, намѣреваясь теперь познакомить читателя съ вышедшею не очень давно четвертою частью его „Курса русской исторіи“, считаемъ излишнимъ напоминать о томъ, что относится до общихъ свойствъ этого исключительнаго дарованія. Всѣ вышедшіе томы многозначительны по своему содержанію, но, естественно, что съ увеличеніемъ ихъ числа историческая картина, развертываясь шире, уясняетъ ходъ русской жизни съ большею наглядностью, а съ приближеніемъ къ нашему вѣку связь прошлаго съ нынѣшнимъ становится все несомнѣннѣе. Четвертый томъ привлекаетъ особенное вниманіе еще вслѣдствіе того, что XVIII вѣкъ, за немногими исключеніями, былъ представленъ читающей публикѣ со своей парадной стороны. Ключевскій даетъ другое. Вникая въ темныя глубины событій, онъ съ одинаковымъ искусствомъ изслѣдуетъ причины и оцѣниваетъ результаты по ихъ соціальному, экономическому и культурному значенію. Въ его книгѣ — канва жизни прошлаго, а благодаря выдающемуся литературному таланту автора курсомъ заинтересована и та часть общества, которая не слѣдила за спеціальными изслѣдованіями, удовлетворялась умѣлымъ рассказомъ не слишкомъ научнаго содержанія. XVIII вѣкъ у насъ лю-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1910 годъ.

бять, даже знаютъ, но мало въ него вникаютъ, и велика заслуга ученаго, давшего нынѣ въ несравненно блестящей, доступной формѣ цѣнные выводы и тонкіе разборы крупнѣйшихъ историческихъ вопросовъ.

Вполнѣ естественно, что большая часть тома отведена жизни и дѣятельности Пѣтра В. Свѣжими красками пишетъ Ключевскій картину юныхъ лѣтъ преобразователя, ту обстановку, въ которой вскормились его чувства и сложились его мысли. „Какъ только Пѣтръ сталъ помнить себя, онъ былъ окруженъ въ своей дѣтской иноземными вещами; все, во что онъ игралъ, напоминало ему нѣмца“ (стр. 1).

„Съ лѣтами дѣтская Пѣтра наполняется предметами военнаго дѣла. Въ ней появляется цѣлый арсеналъ игрушечнаго оружія, и въ нѣкоторыхъ мелочахъ этого дѣтскаго арсенала отразились тревожныя заботы взрослыхъ людей того времени. Такъ въ дѣтской Пѣтра довольно полно представлена была московская артиллерія, встрѣчаемъ много деревянныхъ пищалей и пушекъ съ лошадами“ (стр. 2).

Майскіе ужасы 1682 г. (стрѣлецкій мятежъ) неизгладимо врезались въ его памяти. „Онъ понялъ въ нихъ больше, чѣмъ можно было предполагать по его возрасту: черезъ годъ 11-лѣтній Пѣтръ по развитости показался иноземному послу 16-лѣтнимъ юношей. Старая Русь тутъ встала и вскрылась передъ Пѣтромъ со всей своей многовѣковой работой и ея плодами“ (стр. 7).

„Отъ общественныхъ силъ, считавшихся опорами государственнаго порядка (духовенство, бояре и дворяне), Пѣтръ отвернулся прежде, чѣмъ могъ сообразить, какъ обойтись безъ нихъ и чѣмъ ихъ можно замѣнить. Съ тѣхъ поръ московскій Кремль ему опротивѣлъ и былъ осужденъ на участь заброшенной барской усадьбы со своими древностями, запутанными дворцовыми хоромами и доживавшими въ нихъ свой вѣкъ царевнами, тетками и сестрами, двумя Михайловнами и семью Алексѣевнами, и съ сотнями ихъ пѣвчихъ, крестовыхъ дьяковъ и „всякихъ верховыхъ чиновъ“ (стр. 8).

„Современники приписывали природной склонности пробудившееся еще въ младенчествѣ увлеченіе Пѣтра военнымъ дѣломъ. Темпераментъ подогрѣвалъ эту охоту и превратилъ ее въ страсть, толки окружающихъ о войскахъ иноземнаго строя, можетъ быть, и рассказъ Зотова (учителя) объ отцовыхъ войнахъ дали съ лѣтами юношескому спорту опредѣленную цѣль, а острия впечатлѣнія мятежнаго 1682 года вмѣшали въ дѣло чувство личнаго самосохраненія и мести за обиды. Стрѣльцы дали незаконную власть царевнѣ Софьѣ: надо завести своего солдата, чтобы оборониться отъ

своевольной сестры. По сохранившимся дворцовымъ записямъ можно слѣдить за занятіями Петра, если не за каждымъ шагомъ его въ эти годы. Здѣсь видимъ, какъ игра съ лѣтами разрастается и осложняется, принимая все новыя формы и вбирая въ себя разнообразныя отрасли военнаго дѣла“ (стр.9).

Указывая, что обученіе Петра послѣ десяти лѣтъ пошло въ иномъ направленіи, чѣмъ его старшихъ братьевъ, и мѣсто Симеона Полоцкаго или Ртищева заступилъ голландскій мастеръ со своими математическими и военными науками, историкъ заключаетъ: „Прежде, при Зотовѣ, была занята преимущественно память; теперь вовлечены были въ занятія еще глазъ, споровка, сообразительность; разумъ, сердце, оставались праздными по-прежнему. Понятія и наклонности Петра получили крайне одностороннее направленіе. Вся политическая мысль его была поглощена борьбой съ сестрой и Милославскими; все гражданское настроеніе его сложилось изъ ненавистей и антипатій къ духовенству, боярству, стрѣльцамъ, раскольникамъ; солдаты, пушки, фортеціи, корабли, заняли въ его умѣ мѣсто людей, политическихъ учрежденій, народныхъ нуждъ, гражданскихъ отношеній. Необходимая для каждаго мыслящаго человѣка область понятій объ обществѣ и общественныхъ обязанностяхъ, гражданская этика, долго, очень долго оставалась заброшеннымъ угломъ въ духовномъ хозяйствѣ Петра. Онъ пересталъ думать объ обществѣ раньше, нежели успѣлъ сообразить, чѣмъ могъ быть для него“ (стр. 16—17).

В. О. Ключевскій очень подробно остановился на дѣтствѣ и молодости Петра, что само собою понятно. Характеръ воспитанія и своеобразіе обстановки въ этихъ возрастахъ создали особенность склада всего дѣла его жизни. Что касается военныхъ потѣхъ Петра, то „съ лѣтами игра незамѣтно теряла характеръ дѣтской забавы и становилась серьезнымъ дѣломъ: это потому, что и въ дѣтствѣ она была очень похожа на серьезное дѣло, о которомъ думали старшіе современники Петра. вмѣстѣ съ царемъ росло и все незрѣлое, что его окружало, и пушки, и люди“ (стр. 23).

Любопытны въ дальнѣйшей передачѣ жизни Петра штрихи изъ его путешествія по Европѣ; въ числѣ общеизвѣстныхъ есть и малознакомыя нашей публикѣ подробности. „Петръ слушалъ лекціи профессора анатоміи Рюйша, присутствовалъ при операціяхъ и, увидавъ въ его анатомическомъ кабинетѣ превосходно препарированный трупъ ребенка, который улыбался, какъ живой, не утерпѣлъ и поцѣловалъ его. Въ Лейпцигѣ онъ заглянулъ въ анатомическій театръ доктора Боэргава, медицинскаго свѣтила того времени, и замѣтивъ, что нѣкоторые изъ русской свиты выказы-

вають отвращеніе къ мертвому тѣлу, заставилъ ихъ зубами разрывать мускулы трупа“ (стр. 28).

Въ Англіи „не разъ бывали въ Тауэрѣ, привлекавшемъ своимъ монетнымъ дворомъ и политической тюрьмой, „гдѣ англійскихъ честныхъ людей сажаютъ за карауль“, и разъ заглянули въ парламентъ. Сохранилось особое сказаніе объ этомъ „скрытномъ“ посѣщеніи, очевидно, „Верхней палаты, гдѣ Петръ видѣлъ короля на тронѣ и всѣхъ вельможъ королевства на скамьяхъ. Выслушавъ пренія съ помощью переводчика, Петръ сказалъ своимъ русскимъ спутникамъ: „весело слушать, когда подданные открыто говорятъ своему государю правду; вотъ чему надо учиться у англичанъ“ (стр. 29—30).

Англійскаго епископа Бернета „Петръ одинаково поразилъ своими способностями и недостатками, даже пороками, особенно грубостью, и ученый англійскій іерархъ не совсѣмъ набожно отказывается понять неисповѣдимые пути Провидѣнія, вручившаго такому необузданному человѣку безграничную власть надъ столь значительною частью свѣта.

Но Петру было не до впечатлѣнія, оставляемаго имъ въ Западной Европѣ...“ (стр. 31).

„Тотчасъ по приѣздѣ въ Москву онъ принялся за жестокій розыскъ новаго стрѣлецкаго мятежа, на много дней погрузился въ раздражающія занятія со своими старыми недругами, вновь поднятыми мятежной сестрой. Это воскресило въ немъ дѣтскія впечатлѣнія 1682 г. Ненавистный образъ сестры съ ея родственниками и друзьями, Милославскими и Шакловитыми, опять возсталъ въ его нервномъ воображеніи со всѣми ужасами, какихъ онъ привыкъ ожидать съ этой стороны. Не даромъ Петръ былъ совершенно внѣ себя во время этого розыска и въ пыточномъ застѣнкѣ, какъ тогда рассказывали, не утерпѣвъ, самъ рубилъ головы стрѣльцамъ. А затѣмъ Петръ почти безъ передышки долженъ былъ приняться за другое еще болѣе тяжелое дѣло: черезъ два года по возвращеніи изъ-за границы началась Сѣверная война. Торопливая и подвижная, лихорадочная дѣятельность, сама собою начавшаяся въ ранней молодости, теперь продолжалась по необходимости и не прерывалась почти до конца жизни, до 50-лѣтняго возраста.

Сѣверная война съ ея тревогами, съ пораженіями въ первое время и съ побѣдами потомъ, окончательно опредѣлила образъ жизни Петра и сообщила направленіе, установила темпъ его преобразовательной дѣятельности. Онъ долженъ былъ жить изо дня въ день, поспѣвать за быстро несшимися мимо него событіями, спѣшить навстрѣчу возникавшимъ ежедневно новымъ государ-

ственнымъ нуждамъ и опасностямъ, не имѣя досуга перевести духъ, одуматься, сообразить напередъ планъ дѣйствій. И въ Сѣверной войнѣ Петръ выбралъ себѣ роль, соотвѣтствовавшую привычнымъ занятіямъ и вкусамъ, усвоеннымъ съ дѣтства впечатлѣніямъ и познаніямъ, вынесеннымъ изъ-за границы. Это не была роль ни государя-правителя, ни боевого генерала-главнокомандующаго. Петръ не сидѣлъ во дворцѣ подобно прежнимъ царямъ, рассылая всюду указы, направляя дѣятельность подчиненныхъ; но онъ рѣдко становился и во главѣ своихъ полковъ, чтобы водить ихъ въ огонь, подобно своему противнику Карлу XII. Впрочемъ, Полтава и Гангудъ навсегда останутся въ военной исторіи Россіи свѣтлыми памятниками личнаго участія Петра въ боевыхъ дѣлахъ на сушѣ и на морѣ. Предоставляя дѣйствовать во фронтѣ своимъ генераламъ и адмираламъ, Петръ взялъ на себя менѣе видную техническую часть войны: онъ оставался обычно позади своей арміи, устраивалъ ей тылъ, набиралъ рекрутовъ, составлялъ планы военныхъ движеній, строилъ корабли и военные заводы, заготовлялъ аммуницію, провіантъ и боевые снаряды, все запасалъ, всѣхъ ободрялъ, понукалъ, бранился, дрался, вѣшалъ, скакалъ изъ одного конца государства въ другой, былъ чѣмъ-то вродѣ генераль-фельдцейхмейстера, генераль-провіантмейстера и корабельнаго оберъ-мастера. Такая безустанная дѣятельность, продолжавшаяся почти три десятка лѣтъ, сформировала и укрѣпила понятія, чувства, вкусы и привычки Петра. Петръ отлился односторонне, но рельефно, вышелъ тяжелымъ и вмѣстѣ вѣчно подвижнымъ, холоднымъ, но ежеминутно готовымъ къ шумнымъ взрывамъ — точь въ точь какъ чугунная пушка его петрозаводской отливки“ (стр. 32—33).

Этотъ красочно переданный взглядъ на дѣятельность преобразователя, дополненный подробнымъ описаніемъ (въ лекціи LX) его привычекъ, характера, образа жизни и мыслей, съ присущею автору самостоятельностью оцѣнки хотя бы и общеизвѣстныхъ мелочей подготовляетъ читателя къ опредѣленію программы Петровской реформы и въ дальнѣйшемъ изложеніи до очевидности становится яснымъ, насколько преобразование не было заранѣе обдуманно и исполнено по прелнамѣренному плану. Отвѣчая на такой вопросъ, Ключевскій говоритъ: „Есть склонность или привычка думать, что Петръ родился и выросъ съ готовой преобразовательной программой, которая вся — его дѣло, созданіе его творческаго генія, что дѣятельность ближайшихъ предшественниковъ Петра была только подготовкой къ реформѣ, дала ему преобразовательныя побужденія, но не преобразовательныя идеи и средства. Оканчивая обзоръ дѣятельности этихъ предшественниковъ, я, на-

противъ, замѣтилъ, что самая программа Петра была вся начертана людьми XVII в. Но необходимо отличать задачи, доставшіяся Петру, отъ усвоенія и исполненія ихъ преобразователемъ. Эти задачи были потребности государства и народа, сознанныя людьми XVII в., а реформы Петра направлялись условіями его времени, до него не дѣйствовавшими, частію созданными имъ самимъ, частію вторгнувшимися въ его дѣло со стороны. Программа заключалась не въ завѣтахъ, не въ преданіяхъ, а въ государственныхъ нуждахъ, неотложныхъ и всѣмъ очевидныхъ.

Война была важнѣйшимъ изъ этихъ условій (стр. 62—63).

Передавъ задачи внѣшней политики и ходъ военныхъ дѣйствій, историкъ указанное вліяніе войны на реформу формулируетъ, между прочимъ, такъ: „Самое глубокое дѣйствіе Полтавской побѣды оказалось не во внѣшней политикѣ, веденной такъ плохо, а въ ходѣ внутреннихъ дѣлъ“ (стр. 76).

„До Полтавы можно отмѣтить только два законодательныхъ акта устроительнаго характера: это указы 30 января 1699 г., о возстановленіи земскихъ учрежденій, и 18 декабря 1708 г., о раздѣленіи государства на губерніи. Петръ не получилъ такого политическаго воспитанія, чтобы „превеликій всенародный вопль“ отъ взысканія недоимокъ могъ самъ по себѣ его тронуть. Но другія менѣе чувствительныя соображенія побуждали его обратить вниманіе въ эту сторону. Онъ по-прежнему оставался тугъ къ пониманію нуждъ народа, но сталъ чутокъ къ условіямъ своего международнаго положенія“ (стр. 77—78).

Приобрѣтенный Полтавской побѣдой „военный и дипломатическій престижъ надобно было дорого оплачивать. Между тѣмъ источники государственныхъ доходовъ истощались, накоплялись многолѣтнія недоимки; Курбатовъ (оберъ-инспекторъ ратушнаго правленія, такъ сказать министръ городовъ и финансовъ) грозилъ, что при строгомъ ихъ взысканіи многіе плательщики скоро совсѣмъ выбьются изъ силъ“ (стр. 78).

„Съ каждымъ шагомъ становилось яснѣе, что вели игру не по карману. Это поворачивало мысль отъ боевой границы во внутрь, отъ военныхъ операцій къ изысканію новыхъ источниковъ казеннаго дохода. Ихъ можно было найти только путемъ лучшаго устроенія народнаго труда и государственнаго хозяйства, что доселѣ за военнымъ и дипломатическимъ недосугомъ оставалось въ пренебреженіи.

Этотъ поворотъ и отмѣченъ въ сборникѣ матеріаловъ по исторіи Сѣверной войны, который редактированъ самимъ Петромъ и извѣстенъ подъ названіемъ *Гисторіи Свейской войны*. Здѣсь сказано,

что послѣ полтавскихъ торжествъ Петръ началъ трудиться „во управленіи гражданскихъ дѣлъ“ (78—79).

Ходъ и связь реформъ представляется слѣдующимъ образомъ. „При первомъ взглядѣ на преобразовательную дѣятельность Петра она представляется лишенной всякаго плана и послѣдовательности. Постепенно расширяясь, она захватила всѣ части государственнаго строя, коснулась самыхъ различныхъ сторонъ народной жизни. Но ни одна часть не перестраивалась заразъ, въ одно время и во всемъ своемъ составѣ; къ каждой реформа подступала по нѣскольку разъ, въ разное время касаясь ея по частямъ, по мѣрѣ надобности, по требованію текущей минуты. Изучая тотъ или другой рядъ преобразовательныхъ мѣръ, легко видѣть, къ чему онѣ клонились, но трудно догадаться, почему онѣ слѣдовали именно въ такомъ порядкѣ. Видны цѣли реформы, но не всегда уловимъ ея планъ; чтобы уловить его, надобно изучать реформу въ связи съ ея обстановкой, т. е. съ войной и ея разнообразными послѣдствіями. Война указала порядокъ реформы, сообщила ей темпъ и самые приемы. Преобразовательныя мѣры слѣдовали одна за другой въ томъ порядкѣ, въ какомъ вызывали ихъ потребности, навязанныя войной. Она поставила на первую очередь преобразование военныхъ силъ страны. Военная реформа повлекла за собою два ряда мѣръ, изъ коихъ одніе направлены были къ поддержанію регулярнаго строя преобразованной арміи и новосозданнаго флота, другія къ обезпеченію ихъ содержанія. Мѣры того и другого порядка или измѣняли положеніе и взаимныя отношенія сословій, или усиливали напряженіе и производительность народнаго труда, какъ источника государственнаго дохода. Нововведенія военныя, соціальныя и экономическія требовали отъ управленія такой усиленной и ускоренной работы, ставили ему такія сложныя и непривычныя задачи, какія были ему не подъ силу при его прежнемъ строѣ и составѣ. Потому объ руку съ этими нововведеніями и частью даже впереди ихъ шла постепенная перестройка управленія, всей правительственной машины, какъ необходимое общее условіе успѣшнаго проведенія прочихъ реформъ. Другимъ такимъ общимъ условіемъ была подготовка дѣльцовъ и умовъ къ реформѣ.

Для успѣшнаго дѣйствія новаго управленія, какъ и другихъ нововведеній, необходимы были исполнители, достаточно подготовленные къ дѣлу, обладающіе нужными для того знаніями, необходимо было и общество, готовое поддерживать дѣло преобразования, понимающее его сущность и цѣли. Отсюда усиленные заботы Петра о распространеніи научнаго знанія, о заведеніи общеобразовательныхъ и профессиональныхъ, техническихъ школъ.

Таковъ общій планъ реформы, точнѣе, ея порядокъ, установленный не напередъ обдуманнми предначертаніями Петра, а самымъ ходомъ дѣла, гнетомъ обстоятельствъ“ (стр. 80—81).

Первоочереднымъ дѣломъ Петра, наиболѣе продолжительнымъ и самымъ тяжелымъ какъ для него самого, такъ и для народа была, какъ сказано, военная реформа. Она „осталась бы специальнымъ фактомъ военной исторіи Россіи, если бы не отпечатлѣлась слишкомъ отчетливо и глубоко на социальномъ и нравственномъ складѣ всего русскаго общества, даже на ходѣ политическихъ событій. Она выдвигала впередъ двойное дѣло, требовала изысканія средствъ для содержанія преобразованныхъ и дорогихъ вооруженныхъ силъ и особыхъ мѣръ для поддержанія ихъ регулярнаго строя. Рекрутскіе наборы, распространяя воинскую повинность на неслужилые классы, сообщая новой арміи всесословный составъ, измѣняли установившіяся общественныя соотношенія. Дворянству, составлявшему главную массу прежняго войска, приходилось занять новое служебное положеніе, когда въ ряды преобразованной арміи стали бѣго холопы и крѣпостные крестьяне и не спутниками и слугами своихъ господъ, а такими же рядовыми, какими начинали службу сами дворяне“ (стр. 91—92).

„Петръ не снялъ съ дворянства обязательной службы, поголовной и безсрочной, даже не облегчилъ ее, напротивъ, отяготилъ ее новыми повинностями и установилъ болѣе строгій порядокъ ея отбыванія съ цѣлью извлечь изъ усадебъ все наличное дворянство и пресѣчь укрывательство“ (стр. 99).

Крутыя мѣры Петра были малоуспѣшны. „Посошковъ въ сочиненіи *О скудости и богатствѣ*, писанномъ въ послѣдніе годы царствованія Петра, яркими чертами изображаетъ плутни и извороты, на какіе пускались дворяне, чтобы „отлынуть“ отъ службы“ (стр. 101).

„Преобразованіе дворянскаго помѣстнаго ополченія въ регулярную всесословную армію произвело тройкую перемѣну въ дворянской службѣ. Во-первыхъ, раздѣлились два прежде сливавшіеся ея вида, служба военная и гражданская. Во-вторыхъ, та и другая осложнилась новою повинностью, обязательной учебной подготовкой. Третья перемѣна была, можетъ быть, самая важная для судьбы Россіи, какъ государства. Регулярная армія Петра утратила территориальный составъ своихъ частей. Прежде не только гарнизоны, но и части дальнихъ походовъ, отбывавшія „полковую службу“, состояли изъ земляковъ, дворянъ одного уѣзда. Полки иноземнаго строя, набравшіеся изъ разноуѣзднаго служилаго люда, начали разрушеніе этого территориальнаго состава. Вербовка охотниковъ и потомъ рекрутскіе наборы довершили это разрушеніе, дали полкамъ разносословный составъ, отнявъ составъ мѣстный. Рязанскій рекрутъ,

надолго, обыкновенно навсегда оторванный отъ своей Пехлецкой или Зимаровской родины, забывалъ въ себѣ рязанца и помнилъ только, что онъ драгунъ фузелернаго полка полковника Фамендина; казарма гасила чувство землячества. То же случилось и съ гвардіей (стр. 110).

„Преобразованные въ полки Преображенскій и Семеновскій и перенесенные на невское финское болото, они стали забывать въ себѣ москвичей и чувствовали себя только гвардейцами. Съ замѣной мѣстныхъ связей полковыми казарменными, гвардія могла быть подъ сильной рукой только слѣпымъ орудіемъ власти, подъ слабой—преторіанцами или янычарами. Въ 1611 г., въ смутное время, въ дворянскомъ ополченіи, собравшемся подъ Москвой подъ предводительствомъ кн. Трубецкого, Заруцкаго и Ляпунова, чтобы выручить столицу отъ засѣвшихъ въ ней ляховъ, какой-то инстинктивной похотью сказала мысль завоевать Россію подъ предлогомъ ея обороны отъ внѣшнихъ враговъ. Новая династія установленіемъ крѣпостной неволи начала это дѣло; Петръ созданиемъ регулярной арміи и особенно гвардіи далъ ему вооруженную опору, не подозрѣвая, какое употребленіе сдѣлаютъ изъ нея его преемники и преемницы и какое употребленіе она сдѣлаетъ изъ его преемниковъ и преемницъ“ (стр. 111).

Благодаря осложненію служебныхъ обязанностей дворянства явилась необходимость въ лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи дворянина. Древнерусское служилое землевладѣніе имѣло два основныхъ вида: вотчина (наслѣдственное) и помѣстье (условное, обыкновенно пожизненное). Задолго до Петра оба эти вида стали сближаться другъ съ другомъ. „Образованіе регулярной арміи довершило разрушеніе основъ помѣстнаго владѣнія: когда дворянская служба стала не только наслѣдственной, но и постоянной, и помѣстье должно было стать не только постояннымъ, но и наслѣдственнымъ владѣніемъ, слиться съ вотчиной. Все это повело къ тому, что помѣстные дачи постепенно замѣнялись пожалованіями населенныхъ земель въ вотчину“ (стр. 114).

Создавшимся положеніемъ былъ вызванъ указъ о единомаслѣдіи, обнародованный 23 марта 1714 г. „Для военной службы Петру нужна была не вся служилая наличность дворянскихъ семействъ, составлявшая прежде массу дворянской милиціи. Въ единомаслѣдникѣ онъ искалъ офицера, имѣющаго средства исправно служить и приготовиться къ службѣ, не обременя своихъ крестьянъ поборами“ (стр. 117—118).

Но благодаря плохой обработкѣ, неясности опредѣленій и послѣдующимъ неоднократнымъ разъясненіямъ, законъ этотъ не до-

стигнулъ предположенныхъ цѣлей и „только внесъ въ землевладѣльческую среду путаницу отношеній и хозяйственное разстройство“ (стр. 119).

Во всякомъ случаѣ мысль Петра была совершенно ясна: служебное назначеніе рядового дворянина—подготовленный и обеспеченный недѣлимой недвижимостью офицеръ армейскаго полка или секретарь коллегіальнаго учрежденія.

„Дворянство юридически и экономически всего тѣснѣе соприкасалось съ крестьянствомъ; но мѣры Петра, коснувшіяся сельскаго населенія, направлены были къ обѣимъ основнымъ цѣлямъ преобразователя, не только къ упроченію военной реформы, но пожалуй еще болѣе къ рѣшенію задачи, составлявшей послѣ переустройства арміи важнѣйшую его заботу, къ усиленію средствъ казны“ (стр. 120).

Составъ допетровскаго общества отличался своею пестротою: иноземные наблюдатели въ XVII в. удивлялись, какъ много празднаго люда въ московскомъ государствѣ. „Петръ со своей природной хозяйственной чуткостью хотѣлъ пристроить этотъ людъ къ настоящему дѣлу, использовать его въ интересахъ государства, для тягла и службы. Солдатской вербовкой и потомъ подушной переписью онъ произвелъ генеральную чистку общества, упрощая его составъ“ (стр. 122).

„Всѣ промежуточные слои были безъ вниманія къ дѣйствовавшему праву втиснуты въ два основныхъ сельскихъ состоянія—*государственныхъ крестьянъ и крѣпостныхъ людей*, при чемъ въ первое изъ этихъ состояній вошли однодворцы, чернососные крестьяне, татары, ясашные и сибирскіе пашенные служилые люди, копейщики, рейтары, драгуны и т. п. Область крѣпостного права значительно расширилась, но потерпѣло ли крѣпостное право какое-либо измѣненіе въ своемъ юридическомъ составѣ? Здѣсь совершился цѣлый переворотъ, только отрицательнаго свойства: отмѣна холопства, какъ нетяглаго состоянія, не была упраздненіемъ неволи холоповъ, а только ихъ переводомъ въ государственное тягло“ (стр. 132).

„Что же случилось? Холопы ли превратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, или наоборотъ? Ни то, ни другое; случилось то же, что было въ судьбѣ помѣстій и вотчинъ: изъ новаго сочетанія старыхъ крѣпостныхъ отношеній, изъ сліянія владѣльческихъ крестьянъ съ холопами и вольницей образовалось новое состояніе, за которымъ со временемъ утвердилось званіе *крѣпостныхъ людей*, наследственно и потомственно крѣпкихъ господамъ, какъ прежніе полные холопы, и подлежащихъ государственному тяглу, какъ прежніе крѣпостные крестьяне.—Изъ реформы Петра Россія выходила не болѣе, но и не менѣе крѣпостной, чѣмъ была до нея“ (стр. 137).

„Подушная перепись нашла для казны много новыхъ податныхъ плательщиковъ, увеличила количество тяглаго труда. Мѣры, обращенныя на промышленность и торговлю, имѣли цѣлью подъемъ качества этого труда, усиленіе производительной работы народа“ (стр. 140).

За обзорѣніемъ этихъ мѣръ, историкъ переходитъ къ ихъ финансовымъ результатамъ. „Не было, кажется, другой сферы дѣятельности, въ которой Петръ встрѣтилъ бы больше затрудненій, частію имъ и созданныхъ или поддержанныхъ, и гдѣ бы онъ обнаружилъ меньше находчивости для ихъ устраненія. Онъ самъ признавался, что изъ всѣхъ правительственныхъ дѣлъ для него нѣтъ ничего труднѣе торговаго дѣла, и что никогда онъ не могъ составить себѣ яснаго о немъ понятія. Въ значительной мѣрѣ это признаніе приложимо и къ финансовой политикѣ. Онъ хорошо понималъ источники народнаго богатства, сознавалъ, что налоги должны быть вводимы безъ отягощенія для народа, но въ практической разработкѣ этихъ понятій не шелъ дальше столь же простой, какъ и бесполезной истины, выраженной въ инструкціи новоучрежденному Сенату: „денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артерію войны“ (стр. 167).

Прямое обложеніе потерпѣло коренной переворотъ.

„Петръ былъ, кажется, довольно равнодушенъ къ экономической и юридической выработкѣ новой системы обложенія; его больше занимала интендантская сторона дѣла, довольствіе арміи и флота. Онъ не понималъ вопроса о согласованіи военнаго расхода съ платежными силами народа. На русскаго плательщика онъ смотрѣлъ самымъ жизнерадостнымъ взглядомъ, предполагая въ немъ неистощимый запасъ всякихъ податныхъ взносовъ“ (стр. 179).

„Свои и чужіе наблюдатели выносили изъ положенія дѣлъ впечатлѣніе, что при обширности государства и при его естественныхъ богатствахъ царь безъ народнаго отягощенія могъ бы получать гораздо больше дохода. Самъ Петръ думалъ такъ же; по крайней мѣрѣ въ регламентѣ Камеръ-коллегіи 1719 г. высказана оригинальная или заимствованная мысль, что „никакого государства въ свѣтѣ нѣтъ, которое бы наложенную тягость снести не могло, ежели правда, равенство и по достоинству въ податяхъ и расходахъ осмотрѣно будетъ“.

„Несчастіемъ Петра было то, что онъ никакъ не нашелъ средствъ создать себѣ это необходимое для успѣха *ежели*“ (стр. 189).

„Свои и чужіе наблюдатели, дивившіеся величію дѣяній преобразователя, поражались огромными пространствами необрабатываемой плодородной земли, множествомъ пустошей, обрабаты-

ваемыхъ кое-какъ, наѣздомъ, не введенныхъ въ нормальный народно-хозяйственный оборотъ.

Люди, вдумывавшіеся въ причины этой запущенности, объясняли ее, во-первыхъ, убылью народа отъ продолжительной войны, а потомъ гнетомъ чиновниковъ и дворянъ, отбивавшихъ у простонародья всякую охоту приложить къ чему-нибудь руки: угнетеніе духа, проистекшее отъ рабства, по словамъ Вебера, до такой степени омрачило всякій смыслъ крестьянина, что онъ пересталъ понимать собственную пользу и помышляетъ только о своемъ ежедневномъ скудномъ пропитаніи. Въ своей финансовой политикѣ Петръ походилъ на возницу, который изо всей мочи гонитъ свою исхудалую лошадь, въ то же время все крѣпче натягивая вожжи“ (стр. 190—191).

Приведемъ теперь одно мѣсто изъ двухъ обширныхъ лекцій о преобразованіи управленія, центрального и мѣстнаго. Не останавливаясь на интереснѣйшихъ подробностяхъ, мы, по-прежнему, выпишемъ въ подлинномъ видѣ мѣста, пригодныя для нашей цѣли привлечь вниманіе читателя ко всѣмъ отдѣламъ этого курса. „Преобразование управленія“, говоритъ В. О. Ключевскій, — едва-ли не самая показная, фасадная сторона преобразовательной дѣятельности Петра; по ней особенно охотно цѣнили и всю эту дѣятельность. Но при этомъ принимали во вниманіе не столько медленный и тяжелый процессъ перестройки правительственныхъ учреждений, сколько ихъ строй въ окончательной отдѣлкѣ, данной имъ уже къ концу царствованія. Административная реформа имѣла подготовительную цѣль—создать общія условія успѣшнаго исполненія остальныхъ реформъ; но управленіе получило пригодную къ тому постановку, когда основныя реформы, военная и частью финансовая, были уже въ полномъ ходу“ (стр. 193). Авторъ, разбираясь въ беспорядочныхъ переходахъ Петра отъ одной сферы управленія къ другой, приходитъ къ утвержденію, что здѣсь реформа „носила не столько политической, сколько технической характеръ: не вводя новыхъ началъ, новый порядокъ приводилъ старыя въ новое сочетаніе подъ заимствованными формами по указаніямъ иноземныхъ знатковъ, разложивъ слитые прежде элементы управленія между разными его сферами. Такъ новое зданіе управленія строилось изъ старыхъ матеріаловъ — приемъ, наблюдаемый и въ другихъ отрасляхъ преобразовательной дѣятельности Петра“ (стр. 256). Въ послѣдніе годы „онъ начиналъ чувствовать себя отставшимъ отъ своего положенія и сталъ легче сознавать свои промахи, больше уважать чужое мнѣніе. Начавшееся броженіе мысли произвело поворотъ въ его политическомъ сознаніи. Онъ, вѣрившій прежде только въ лица,

теперь сталъ глубже вникать въ силу государственныхъ учреждений, въ ихъ значеніе для политическаго воспитанія народа. Онъ и прежде понималъ необходимость такого воспитанія: въ одномъ указѣ 1713 г. онъ высказываетъ мысль, что для предупрежденія умышленнаго нарушенія государственныхъ интересовъ „надобно изъяснить именно интересы государственные для вразумленія людямъ“. Теперь онъ увидѣлъ, что это изъясненіе — дѣло закона и учреждений, такъ устроенныхъ, чтобы они самой постройкой своей связывали произволь чиновниковъ, а практикой внушали людямъ чувство законности и понятіе государственнаго интереса. Петръ думалъ, что его новые суды и коллегіи сдѣлаютъ это дѣло, и выражалъ увѣренность, что въ нихъ всякій найдетъ правду, не обращаясь за ней къ самому государю.—Эта увѣренность была преждевременна“ (стр.257). Мы не остановимся на двухъ слѣдующихъ лекціяхъ, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ анализъ сужденій историковъ о реформѣ, отмѣчаетъ связь этихъ сужденій съ впечатлѣніемъ современниковъ, касается вопросовъ о происхожденіи реформы, о ея подготовленности и о силѣ дѣйствія, объ отношеніи Петра къ старой Руси и къ Западной Европѣ и т. д., а слѣдующая лекція подробно и, конечно, ярко и художественно передаетъ обстановку, въ которой завершилась петровская дѣятельность, не останавливаемся потому, что нельзя коротко сообщить и дать понятіе отдѣльными выписками объ интересѣ этихъ главъ, но оставить читателя безъ знакомства съ заключеніемъ, въ которомъ Ключевскій устанавливаетъ свое отношеніе къ реформѣ Петра само собою считаемъ невозможнымъ. „Противорѣчія, въ какія онъ поставилъ свое дѣло, ошибки и колебанія, подчасъ смѣнявшіяся малообдуманной рѣшимостью, слабость гражданскаго чувства, безчеловѣчныя жестокости, отъ которыхъ онъ не умѣлъ воздержаться, и рядомъ съ этимъ беззавѣтная любовь къ отечеству, непоколебимая преданность своему дѣлу, широкой и свѣтлый взглядъ на свои задачи, смѣлые планы, задуманные съ творческой чуткостью и проведенные съ безпримѣрной энергіей, наконецъ успѣхи, достигнутые неимовѣрными жертвами народа и великими усиліями преобразователя — столь разнородныя черты трудно укладываются въ цѣльный образъ. Преобладаніе свѣта или тѣни во впечатлѣніи изучающаго вызывало одностороннюю хвалу или одностороннее порицаніе, и порицаніе напрашивалось тѣмъ настойчивѣе, что и благотворныя дѣянія совершались съ отталкивающимъ насиліемъ. Реформа Петра была борьбой деспотизма съ народомъ, съ его косностью. Онъ надѣялся грозою власти вызвать самодѣятельность въ поработанномъ обществѣ и черезъ рабовладельческое дворянство водворить въ Россіи европейскую науку,

народное просвѣщеніе, какъ необходимое условіе общественной самодѣятельности, хотѣлъ, чтобы рабъ, оставаясь рабомъ, дѣйствовалъ сознательно и свободно. Совмѣстное дѣйствіе деспотизма и свободы, просвѣщенія и рабства—это политическая квадратура круга, загадка, разрѣшавшаяся у насъ со времени Петра два вѣка и доселѣ не разрѣшенная. Впрочемъ, уже люди XVIII в. пытались найти средство примиренія чувства человѣчности съ реформой. Кн. Щербатовъ, врагъ самовластія, посвятилъ цѣлый трактатъ, „бесѣду“, объясненію и даже оправданію самовластія и пороковъ Петра. Просвѣщеніе, введенное Петромъ въ Россіи, онъ признаетъ за личное благодѣяніе, оказанное ему преобразователемъ, и возстаетъ на хулителей, получившихъ отъ самовластія то самое просвѣщеніе, которое помогло имъ понять вредъ самовластія. Вѣра въ чудодѣйственную силу образованія, которой проникнуть былъ Петръ, его благоговѣйный культъ науки насильственно зажегъ въ рабскихъ умахъ искру просвѣщенія, постепенно разгоравшуюся въ осмысленное стремленіе къ правдѣ, т. е. къ свободѣ. Самовластіе само по себѣ противно, какъ политическій принципъ. Его никогда не признаетъ гражданская совѣсть. Но можно мириться съ лицомъ, въ которомъ эта противоестественная сила соединяется съ самопожертвованіемъ, когда самовластецъ, не жалѣя себя, идетъ на проломъ во имя общаго блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствія и даже о собственное дѣло. Такъ мирятся съ бурной весенней грозой, которая, ломая вѣковыя деревья, освѣжаетъ воздухъ и своимъ ливнемъ помогаетъ всходамъ новаго посѣва“ (стр. 292—293).

Остальная часть книги (меньше трети) говоритъ объ эпохѣ дворцовыхъ переворотовъ вплоть до воцаренія Екатерины II. Отмѣтимъ нѣсколько характерныхъ замѣчаній. „Опомнившись отъ реформы Петра и оглядываясь вокругъ себя, сколько-нибудь размышлявшіе люди сдѣлали важное открытіе: они почувствовали при черезчуръ обильномъ законодательствѣ полное отсутствіе закона. Исканіе законности и было интересомъ, объединявшимъ при разладѣ мнѣній борющихся въ 1730 г. ¹⁾ стороны. За неумѣлое увлеченіе высшаго класса политикой весь народъ былъ наказанъ бирювщиной; испытавъ при Меншиковѣ и Долгорукихъ русское беззаконіе, при Биронѣ и Левенвольдахъ испробовали беззаконіе нѣмецкое. Господство нѣмцевъ много помогло нравственному объединенію русскаго дворянскаго общества. Заговорилъ интересъ менѣе сложный, но способный къ болѣе широкому обхвату, чѣмъ потреб-

¹⁾ Шляхетскіе проекты и дѣло верховниковъ.

ность въ законности, заговорило чувство національной чести, народной обиды“ (стр. 401—402)... „Со смерти Петра I русское дворянское общество пережило рядъ моментовъ или настроеній. Дѣло началось замысломъ ограничить верховную власть учрежденіемъ тѣснаго совѣта изъ первостепенной знати; этотъ замыселъ вызвалъ попытку ввести въ высшее управленіе конституціонное участие болѣе широкаго дворянскаго круга. Когда не удалось ни аристократическій олигархизмъ, ни шляхетскій конституціонализмъ, отъ обѣихъ неудачъ отложился сильно возбужденный дворянскій патриотизмъ, приучавшій сословіе къ трезвому взгляду на свое положеніе въ государствѣ: лучше самимъ распоряжаться въ отечествѣ, чѣмъ терпѣть хозяйничанье чужаковъ. Поворотомъ отъ безпокойныхъ и непривычныхъ толковъ о европейскихъ конституціяхъ къ реальнымъ условіямъ родной страны и общепонятнымъ интересамъ сословія завершилось политическое возбужденіе, длившееся 17 лѣтъ¹⁾. Оно не прошло безслѣдно для государственнаго устройства и общественнаго порядка: подъ его прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ дворянство постепенно становилось въ новое служебное и хозяйственное положеніе. Собственно эти перемѣны и важны для исторіи русскаго государства и общества XVIII вѣка. Политическія мечты людей 1730 г. были свѣяны временемъ, но политическая роль, какую пришлось сыграть въ тогдашнихъ событіяхъ дворянской гвардіи, оставила по себѣ слѣды, не сглаживавшіеся до половины XIX в.“ (стр. 403—404). Развитие служебныхъ льготъ дворянства, увеличивая досугъ для сельско-хозяйственныхъ занятій, способствовало укрѣпленію дворянскаго землевладѣнія вмѣстѣ съ расширеніемъ крѣпостного права. Настойчивыя желанія дворянъ привели наконецъ къ манифесту 18 февраля 1762 г. о пожалованіи „всему россійскому благородному дворянству вольности и свободы“. Освободившись отъ обязательной службы, дворянство не только не собиралось вернуть свободу крестьянамъ, закрѣпощеннымъ именно для исправнаго несенія дворянами служебныхъ обязанностей, но усилило до крайности свою власть надъ ними. „Манифестъ 18 февраля, снимая съ дворянства обязательную службу, ни слова не говоритъ о дворянскомъ крѣпостномъ правѣ, вытекшемъ изъ нея, какъ изъ своего источника. По требованію исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была бы послѣдовать отмѣна крѣпостного права; она и послѣдовала на другой день, только спустя 99 лѣтъ“ (стр. 431). Черезъ нѣсколько страницъ Ключевскій пишетъ: „Абсолютная власть безъ оправдывающихъ ее

¹⁾ Отъ Петра I до Елисаветы.

личныхъ качествъ носителя обыкновенно становится слугой или своего окруженія, или общественнаго класса, котораго она боится и въ которомъ ищетъ себѣ опоры. Обстоятельства сдѣлали у насъ такой силой дворянство съ гвардіей во главѣ. Получивъ вольность, дворянская масса усаживалась по своимъ сельскимъ гнѣздамъ съ правомъ или возможностью безконтрольно распоряжаться личностью и трудомъ крѣпостнаго населенія. Это усадебное сближеніе дворянства съ крестьянствомъ внесло самую ѣдкую струю въ процессъ того нравственнаго отчужденія, которое, начавшись еще въ XVII в. на юридической почвѣ и постепенно расширяясь, легко между господами и простымъ народомъ, разѣдая энергію нашей общественной жизни, дошло до насъ и переживетъ всѣхъ теперь живущихъ“ (стр. 441—442).

Мы оставляемъ въ сторонѣ тѣ захватывающія по своему научному и художественному интересу страницы описаній царствованій и личностей Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Петра III. Эти характеристики сдѣлались популярными многіе годы раньше, чѣмъ вышелъ изъ печати курсъ.

Приведемъ послѣднія строки книги: „Къ моменту воцаренія Екатерины II оно (т. е. дворянство) составило *народъ* въ политическомъ смыслѣ слова, и при его содѣйствіи дворцовое государство преемниковъ Петра I получило видъ государства сословно-дворянскаго. Правовое народное государство было еще впереди и не близко“.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что по курсу В. О. Ключевского учиться конечно нельзя, въ немъ не содержится полнаго изложенія событій, отсутствуютъ характеристики большинства государственныхъ дѣятелей, мало внѣшне-политической жизни Россіи, но смыслъ труда иной. Для пониманія развитія тѣхъ силъ, которыя двигали, обновляли или задерживали и создавали наши общественныя формы, онъ занимаетъ первое мѣсто. А по глубинѣ мысли и красотѣ слова курсъ принадлежитъ къ лучшимъ образцамъ русской научной литературы.

В. Я.

